

проект 213
"Учитель"

ограниченный
доступ

СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО

ЮЛИЯ ЕФИМОВА

СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

ЗАКОН
НАВЯЗАННЫХ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

29 ноября
2025 год

Юлия Ефимова
Закон навязанных
обстоятельств

Серия «Проект 213: учитель», книга 1

<https://litres.ru/72295021>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пресыщенный академической жизнью вундеркинд и полиглот Эрик Кузьмич Единичка, скучающий на преподавательской стезе, получил неожиданный шанс – отбор в экспериментальный отдел консультантов ФСБ. Под кодовым именем "Учитель" он отправляется на свое последнее, решающее испытание. В городе Зима его ждет загадочная история: кто-то методично запугивает местного бизнесмена, прозванного в городе "Синей Бородой". То, что начиналось как простое расследование, превращается в захватывающий водоворот событий полный тайн и преступлений, где Эрику предстоит не только проявить свою уникальность, разоблачив злодея, но и прикоснуться к вековой тайне "золота Колчака".

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Василий Васильевич	7
Глава 2. Эрик	18
Глава 3. Юлий	27
Глава 4. Эрик	35
Глава 5. Эрик	53
Глава 6. Андрей Андреевич Аюшеев	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Юлия Ефимова

Закон навязанных обстоятельств

*Серия: Проект № 213: Учитель
Книга первая*

*Приветствую тебя, мой дорогой читатель.
Все герои в книге – плод воображения автора, а
любые совпадения случайны.*

*Светлане, моей номинальной постоянной
читательнице, которая только что налила себе
большую кружку чая и удобно устроилась с книгой
в кресле, посвящается*

*Спасибо вам, мои дорогие читатели, без вас
ничего бы не получилось!*

Хуже пустоты лишь пустота,
Вакуум, где ни чувств, ни сожалений;
Жирной строчкой красная черта,
Отрезающая нужность мнений.

В ней не слышно звуков, только стук,
Мыслей карусель крутая

И один единственный недуг,
Вязкость тишины сплошная.

Хуже пустоты лишь пустота,
Эхом отвечающая «правда».
И таблетка мира – доброта,
Лишь надежда на другое завтра.

Человек гниёт от пустоты,
От неё он воет волком серым,
Только полуночные мечты
Немного помогают полумерой.

Местами поменяется, что ценно,
Прощается за веком век,
Но лишь одно останется бессменно —
Человеку нужен человек.

Пролог

Он появлялся, как только наступала полночь. Жестокий и красивый. Сходил с картины и вставал у ее кровати. Он ничего не говорил, просто стоял и смотрел своими черными как смоль глазами. Только его синяя борода, развеваясь, словно на ветру, вносила цвет в эту черноту дома. Она уже привыкла к его присутствию и вполне могла спать под его настойчивым взглядом. Даже глупая мысль о том, что случится, если однажды он не придет, пугала ее больше, чем его присутствие. Единственным сожалением было то, что об этих ночных визитах нельзя было никому рассказывать, как и о том, что она делает по его приказу.

Глава 1. Василий Васильевич

Блокнот № 1, страница 3.

Сегодня понял, что я не центр мира. До этого мне казалось, что люди, появляющиеся в моей жизни, исключительно декорации, а скрываясь из поля моего внимания, просто замирают, как манекены. Хотя до сих пор не пойму, что им за пределами моего мира делать, ведь там нет ничего интересного, там нет меня.

Эрик, 1991 год

Москва уже была готова к Новому году.

«Что за глупость – украшать так рано», – подумал Василий Васильевич раздраженно. Вот раньше это делали максимум за неделю, и в январе, сразу же после праздника, вся эта мишура уже пылилась на складах, дожидаясь следующего года. Сейчас же, от скуки или от жиру, начинают это делать еще в ноябре, растягивая удовольствие аж до китайского Нового года, который хоть и проходит каждый год в новую дату, но все равно не раньше конца января, а то и вовсе начала февраля. К тому времени новогодние атрибуты настолько приедаются, что уже вызывают лишь раздражение. Хорошо хоть в этом году снег выпал рано, и все эти побрякушки не смотрятся так убого, как это бывало на сером фоне города.

При входе в родное здание, в котором Василий Васи-

льевич проработал не один десяток лет, сердце привычно вздрогнуло. Работа для полковника была всем. Как-то так случилось, что семьи он не нажил. Нет, она была, конечно, когда-то давно, но он об этом уж и не вспоминает. Жена очень быстро поняла, что с нищим капитаном, круглосуточно пропадающим на работе, каши, как говорится, не сварить, и, подав на развод, сбежала, а заодно прихватила годовалого сына. У них разница с женой была большая, она совсем девчонка, влюбилась в красивого капитана ФСБ, совсем не подумав о жизни с ним, и, как следствие, быстро разочаровалась.

Василий Васильевич не пытался их вернуть, просто подписал в суде документы. Все, включая отказ от отцовства. Вот так. Наверное, его осудят и погрозят пальцем за это праведники, но он считал это разумным. Хотя, конечно, поначалу был порыв отстаивать свои родительские права, не железный же он все-таки, но в суд бывшая супруга пришла уже с новым ухажером, который заботливо держал его сына на руках. Тот нежно прижимался к молодому, в отличие от него, мужчине и хохотал заливисто, когда он строил малышу рожи. Именно тогда чересчур рациональный мозг чекиста, не подверженный эмоциям, понял, что так будет лучше. Василий не сможет видеть сына часто, а раз новый красивый и к тому же молодой папа так нежно с ним обращается, значит, пусть так и будет, и подписал документ, чтоб новый отец смог усыновить годовалого мальчика. Сейчас сыну должно

быть уже двадцать пять лет. Интересно, кем он вырос, женился ли, есть ли дети?

«Видимо, совсем постарел, раз это вдруг стало интересно. Может, действительно навести справки?» – лениво подумал он, входя в свою бывшую приемную.

– Здравствуйте, Василий Васильевич.

Секретарша Настенька вскочила при виде своего бывшего шефа и приветливо улыбнулась. Конечно, это для него, человека, которому уже давно перевалило за шестьдесят, она была Настенькой. На самом же деле это была красивая женщина около сорока, с которой он проработал здесь последние десять лет. Значит, не плохой он был начальник, если его подчиненные встречают его так приветливо.

– Он вас уже ждет, – добавила она тихо, потому как в приемной еще томились в ожидании другие посетители.

Надо сказать, преемник у Василия Васильевича оказался неплохой. Не стал ничего кардинально ломать, увольнять команду и тащить своих. Наоборот, влился в коллектив и даже, видя, как огорчен своей пенсией Василий Васильевич, нашел тому работу, пусть штатскую, но все же приближенную к прежней службе и интересную.

Высшим руководством было принято решение открыть под кураторством ФСБ экспериментальный отдел. В него набирали людей с разными необычными способностями для работы в особо громких и запутанных делах, где необходим нестандартный подход к расследованию.

Казалось бы, что тут экспериментального, но был нюанс – это были особенные люди. Нет, не экстрасенсы и маги, таких отвергали сразу за невозможностью обосновать и объяснить их стратегию, но люди были тоже непростые, как любил говорить Василий Васильевич, страшно талантливые, уникамы и вундеркинды.

По матушке-России, что всегда славилась своими Ломоносовыми и Кулибиными, Василий Васильевич с командой некоторое время искал таких самородков. Кто-то мог похвастаться феноменальной памятью, кто-то был математиком и, применяя формулы, мог просчитывать любую ситуацию и разбирать на детали.

Был у них и свой аналог Ильи Муромца, человека необычайной силы и доброй воли, душой болеющего за Родину. Он мог на один взгляд определить физическую силу любого человека, и не важно, самбист это или пауэрлифтер. Вот только как применить его способности, они так до сих пор и не придумали.

Также были люди, чувствующие ложь, вернее, безошибочно определявшие, кто врет. Нет, и они тоже были не экстрасенсами, а профессионалами своего дела – люди, умеющие читать язык тела настолько точно, настолько досконально, что видели собеседника практически насквозь.

За их умениями стояли многие часы кропотливого труда, когда они по крупинкам собирали знания из разных источников, сводили их в одну систему, зачастую свою, собствен-

ного изобретения, и, что немаловажно, умели ее применить, ну и, конечно, без таланта тут тоже не обошлось.

Была у них женщина, которая настолько прониклась графологией – наукой, изучающей почерк, что даже по тому, как человек держит ручку, могла рассказать о нем больше, чем отчеты оперативников.

Вот их и пытались научить эффективно консультировать следственные группы. За год работы отдела они выявили более пятисот кандидатов, но прошли проверку и успели внедрить в работу пять проектов, чем Василий Васильевич, конечно, очень гордился. Пять самородков, которых не просто выявила его группа, но еще и научила пользоваться своими способностями, а это самое главное. Это было даже больше, чем планировалось на начальном этапе.

– Василий Васильевич. – Новый хозяин кабинета встал и протянул руку вошедшему, хотя теперь мог и не делать этого.

«Значит, все же повезло с преемником», – промелькнуло у него вновь в голове. Начальство редко вызывало его на ковер, если сказать точнее, никогда, ограничиваясь звонками и поручениями через своих замов, поэтому то, что сегодня он находился здесь, было исключением из правил, а значит, случилось что-то важное.

– Присаживайся. Как идут дела в доверенном тебе отделе, спрашивать не буду, мне постоянно докладывают об этом и, надо сказать, всегда в восхищенной форме. Я к тебе, можно сказать, сейчас с личным поручением.

Василий Васильевич за долгие годы работы в конторе усвоил, что хуже личных поручений вышестоящего начальства только личные поручения «самого». Так называемые просьбы нельзя было игнорировать и пускать на самотек, хотя это еще полбеды, Василий Васильевич и так никогда не позволял себе подобного. Главное, такие просьбы априори должны быть выполнены, и не важно, что иногда это просто невозможно.

– У меня есть двоюродный брат, тоже очень хороший человек, – вещал преемник Василия Васильевича, не забыв подчеркнуть, что и он не лыком шит. – Но дело даже не в этом, – тут же поправился начальник, вспомнив, кто перед ним сидит. – Мамки наши – родные сестры. Ею умерла рано, так моя постоянно просила меня за ним приглядывать и, даже умирая, об этом напомнила. Вот у него проблемы. Ну как проблемы... – Василию Васильевичу показалось, что начальство несколько смутилось и не знает, как правильно сформулировать. – Чертовщина какая-то происходит вокруг его семьи. Считает, что кто-то запугивает его, словно в игру с ним играет. А может, он и надумывает, может, умом тронулся, прости господи, я ведь его лет пятнадцать уже не видел, так, по праздникам созваниваемся.

– Так пусть поедет и отдохнет, – предложил Василий Васильевич немного грубо.

– Давай отправим ему кого-нибудь из твоих, – не заметив сарказма, продолжило начальство. – Пусть посмотрят со сто-

роны, а то местные там только хохочут над ним да руками разводят. Я в принципе понимаю их, если бы это не брат мой был, и вовсе послал его. Просто проверь информацию, если это и правда большое воображение их семейки, то и слава богу. Там одни бабы вокруг него, может, это они его и накрутили.

– Я бы с удовольствием, – ответил Василий Васильевич как можно мягче, потому как понимал, что его ответ не очень понравится начальству. – Но вы же знаете, проект запущен, претенденты, пройдя жесткий отбор, уже прикреплены к реальным оперативным группам и, более того, отправлены на места. За каждым из пяти отобранных кандидатов ведется постоянный контроль – они уже в процессе. Я не могу вот так просто взять и снять их с расследования. Это помешает не только делу, но, самое главное, может обесценить все наши усилия по основной задаче, поставленной нашему экспериментальному отделу, о результатах которого мы с вами должны доложить уже через полгода. Отправьте туда своих оперативников.

Василий Васильевич специально упомянул про доклад наверх в последнюю очередь, сделав на этом акцент. Был шанс, что так помощь двоюродному брату все же станет менее желанна для начальства, и не прогадал. В кабинете повисла звенящая тишина, даже не было слышно монотонного стука больших напольных часов, которые здесь стояли еще до Василия Васильевича, и он в свою очередь так же оставил их

отсчитывать время для нового хозяина.

Воспользовавшись паузой, он бросил взгляд в угол, где всегда находились часы, и вдруг не обнаружил их там. Старого полковника будто током ударило – с момента, как он покинул этот кабинет, он впервые физически почувствовал, что все изменилось. Его тоже, как старый механизм, выкинули на помойку, и не стоит строить иллюзий и прикрываться особым отделом, негласно курируемым конторой. Это гражданский объект, там работают гражданские люди, пусть из бывших, но все же гражданские, и ты, Василий Васильевич, всего лишь пенсионер, подрабатывающий опять же в гражданской структуре и создающий не воинов, не офицеров, а только консультантов.

Все это было настолько больно, что Василий Васильевич не сразу услышал вопрос.

– Что, простите? – переспросил он начальство. Хотя какое там начальство, официально просто кураторы их экспериментального отдела по изучению разносторонних и нетрадиционных подходов в расследовании преступлений, созданного на базе Московского института новых информационных технологий ФСБ России.

– Я говорю, ну были же у тебя забракованные проекты, ну выбери из этого брака лучшего. Ты пойми, если я на эту чертовщину оперов или следаков своих отправлю, меня не поймут, да тут к тому же брат. Время сейчас другое, нельзя так делать, кумовство это называется, еще превышение полно-

мочий могут навесить. А я только здесь обустроиваюсь, еще свою команду не собрал, сижу шатко. Желających меня потопить будет много. А так ты просто обкатываешь очередного кандидата в проект, и все дела.

– Хорошо, я подниму материалы с не подошедшими кандидатами, – спокойно согласился Василий Васильевич.

Конечно, ему хотелось сказать другое. Что время всегда то, и не надо на него сваливать. Когда он сидел в этом кресле, ему еще и не такое предлагали. Тут дело не во времени, а в человеке. Также очень хотелось сказать о том, что если ты за такой большой срок не смог собрать свою команду, что если ты, работая уже больше года с людьми, не доверяешь им, то проблема в тебе, значит, ты плохой начальник. Но он сдержался. Нет, не из страха, а потому что в этом не было смысла. Слова бы не дошли до человека, а только вызвали бы агрессию. Василий Васильевич же во всем и всегда искал смысл. Это, наверное, главное в жизни – иметь смысл. Поэтому сказал совсем другое:

– Все равно это будет непродуктивно, ведь в одиночку кандидат ничего не сможет. В идеале он предлагает нормальной, рабочей оперативной группе свое нестандартное видение, а преступление раскрывают уже они. Один он просто психолог, ученый или даже писатель-детективщик, был у нас и такой на отборе.

– За это не беспокойся. Есть у меня опер, который очень хочет ко мне на службу, пороги кабинетов оббивает. Вот я

его направлю к тебе, скажу, сделаешь как надо – устрою.

– Один опер? – Василий Васильевич первый раз за весь разговор улыбнулся.

– Один опер, – с досадой повторил начальник. – А что мне, из-за его дурацких открыток всю контору поднимать? Он там напридумывал себе что-то, даже полиция его слушать не хочет, улик никаких, одни предположения бредовые и картинки рисованные, а я тут должен, значит, людей сры-вать.

– Ну надо хотя бы взаимодействие с полицией им устроить и айтишника приставить какого-нибудь, без этого сейчас никуда, – примирительно сказал Василий Васильевич. Ему вдруг стало жалко этого большого во всех смыслах человека. Ведь, несмотря на его внушительный вид, он тоже когда-нибудь окажется на обочине и, возможно, будет переживать эту перемену не меньше Василия Васильевича, а то и больше. – Хотя ладно, айтишника я сам найду. Есть у меня один хороший, давно просит меня об одолжении.

– Вот и славно, а я полицию попрошу, но неофициально. Оперу дам информацию, как связаться с органами. Попрошу своих найти контакт кого-нибудь пониже, так проще и легче работать будет, – сказал начальник и, немного помолчав, добавил тихо: – Спасибо, я не забуду.

Василий Васильевич убрал ручку в блокнот, в котором все время разговора по привычке рисовал, делая вид, что фиксирует оперативное задание. Если честно, он даже не пом-

нил, что изобразил. Полковник, как говорится, портил бумагу не для рисунка – это был его способ размышлять. Но, посмотрев на картинки в своем блокноте, иногда делал интересные выводы. Вот и сейчас, выйдя из приемной, взглянул на изрисованную только что страницу и усмехнулся – там была изображена аудитория со студентами, доска, и маленький человек что-то писал на ней мелом.

«Все по Фрейдю, – подумал Василий Васильевич, – все по нему, родимому».

Когда он вышел из здания конторы, то на улице уже стемнело. Проклятие зимы – она крадет у людей солнце, а с ним и время.

Снег большими и какими-то ленивыми хлопьями медленно и неохотно падал с неба, окутывая Москву белоснежной шалью. Василий Васильевич, взглянув на часы, направился к метро: еще в кабинете, когда речь зашла о забракованных кандидатах, он знал, кто ему нужен. Его почему-то так и не отпустил до конца отсортированный на этапе отбора проект № 213: «Учитель». Он постоянно возвращался мысленно к нему, рассуждая, правильно ли поступил, дав отклонить данного кандидата. Но главным критерием отбора служило понимание, как именно человек это делает. В случае с проектом № 213 понять это так и не удалось, ну или сам проект не захотел полностью раскрываться.

Вот и представился случай разобраться во всем до конца, чтоб больше не мучиться сомнениями.

Глава 2. Эрик

Блокнот № 1, страница 14.

Мама не хочет отвечать на мои вопросы о папе. Причем в доме нет ни одного предмета, который мог бы говорить о пребывании в нем когда-то мужчины. Ни одного фото. Нет, родитель мужского рода, конечно же, был, так устроен мир, я особенный, но все же не мог появиться на свет иначе, чем все остальные. Есть настойчивое чувство, будто я что-то забыл. Все это очень странно. В детский сад ходить ужасно скучно, надо поговорить с мамой, пусть отдаст меня в школу на год раньше.

Эрик, 1991 год

– История знает множество примеров, когда люди становились великими изобретателями, музыкантами, актерами и учеными только благодаря одному – желанию учиться. Все вы читали историю Томаса Эдисона. Есть разные версии тех событий. Я предпочитаю вариант без лирики. Его мать однажды услышала, как учитель называет ее сына дебилом, и, разругавшись с руководством школы, которое настаивало, что это неоспоримый факт, забрала сына на домашнее обучение. Она сказала семилетнему Томасу, что школа, в которой он учился, плохая, и дома мать даст ему больше знаний. Мальчик видел, как старается его мама, и не хотел ее рас-

страивать, потому стал заниматься с двойным усердием, а втянувшись в процесс, уже не мог без этого. Кем стал Томас Эдисон и какие открытия и изобретения ему принадлежат, я думаю, студентам четвертого курса рассказывать не надо.

– Эрик Кузьмич! – крикнула хорошенькая студентка, подняв руку. Она наверняка была влюблена в него, поэтому старалась на каждой лекции привлечь внимание симпатичного преподавателя. – Я слышала историю про письмо от школы с отказом, которое он принес домой. Мать, прочитав его, сказала, в нем написано, что ее сын гениален, и они его больше не могут ничему научить. Узнал он правду только после смерти матери, когда стал разбирать ее архив и прочитал его. Он понял, что мать своей верой в него и упорством не дала понять, что его считают умственно отсталым, и сделала из него великого ученого.

Было видно, что девушке нравится ее версия и она очень гордится, что смогла поправить преподавателя.

– Ну, это, скорее всего, приукрашенный художественный вымысел, – снисходительно улыбнулся Эрик. – Первый и главный вопрос сразу ставит вашу версию под сомнение: зачем мать, соврав сыну однажды о содержании письма, столько времени хранила данное послание и не уничтожила?

По аудитории прокатился смешок, и девушка, смутившись, села.

– Глупости все это! – крикнул студент с самого дальнего ряда; в отличие от девочки, он не тянул руку, не вскакивал, а

горланил с места. – Генетика – строгая наука. Родители Эдисона были умными и образованными людьми, вот и все.

– А вот тут бы я поспорил, – не дослушав, возразил Эрик. – Гены не являются определяющим фактором, и я вам могу привести множество примеров в доказательство. Начну с самого очевидного и родного нам – Михайло Ломоносов, сын рыбака. Как вспоминал сам Михаил Васильевич, отец его был человек добрый, в крайнем невежестве воспитанный, грамоте не обученный. Его же научил читать и писать местный дьячок. Когда Михайло прочел всю имеющуюся у того литературу, то страстно захотел учиться дальше. Он тайно, прихватив две рубахи и тулуп, отправился с рыбным обозом в Москву. Здесь, вы вдумайтесь только, чтоб учиться, он подделывает документы и, представляясь сыном холмогорского дворянина, поступает в Славяно-греко-латинскую академию, где терпит насмешки малолетних одноклассников и читает, читает, читает. Он, как путник в жару, не мог напиться этими знаниями. Не ради карьеры, не ради денег, он делал это потому, что не мог иначе. Кем стал и какой вклад в отечественную науку он внес, я думаю, вы все прекрасно знаете. Так что, дорогие мои, талант не зависит от набора генов. Это дар свыше, который каждый человек может развить в себе, только прилагая к этому невероятные усилия, иначе ничем его объяснить нельзя.

– Ломоносов, – усмехнулся все тот же студент, – это исключение. Когда это было, а мы все его вспоминаем. Почему

же тогда сегодня не появляются новые Михайло Васильевичи?

– Хорошо, еще один пример из советского прошлого – Лев Семенович Понтрягин, великий математик. В тринадцать лет потерял зрение, когда в его руках взорвался примус, и вопрос о школе был закрыт, но на помощь пришли одноклассники. Желая помочь другу, они потихоньку объясняли ему, что писал на доске учитель, и читали вслух книги после занятий. Отец почти сразу умер от горя, а мать, простая портниха, помогала слепому сыну делать уроки и читала, читала, читала. Позже сам Лев Семенович вспоминал, как трудно ей было проговаривать учебники по математике, объясняя непонятные ей самой формулы никогда не видевшему их сыну. Окончив школу с золотой медалью, он хотел пойти в какое-нибудь ремесло, но мать, повторюсь, простая портниха, понимая, что сын увлекается метаматематикой, настояла, чтоб он продолжил учебу в институте. Позже этот слепой мальчик не только оставит след в мировой науке, но и помешает переносу русел сибирских рек.

Эрик хотел привести еще пару примеров из недавней истории для активного студента, но увидел, как через заднюю дверь в аудиторию тихо зашел полковник.

– Но если вы хотите все же о нашем времени, давайте я приведу вам такой пример. Моя мать – медсестра, которая окончила медучилище, не потянув институт. Моя бабка по материнской линии – повариха в столовой, а дед – кочегар.

В графе «отец» стоит прочерк, родительница не любит отвечать на мои вопросы о нем, но бабушка, будучи женщиной простой и резкой, называла его иродом и бессовестным свинном, не знающим ничего кроме водки, что, как мне кажется, очень красноречиво описывает моего сбежавшего папашу. Я же в пятилетнем возрасте, по словам родительницы, научился читать и писать. Вы спросите, как? Нет, не мама меня обучила, она постоянно работала, чтоб прокормить нас. В перестройку ей, матери-одиночке, было очень несладко. Днем, конечно, был детский сад, но особенность работы медсестры такова, что раз в три дня она уходила на дежурство, а иногда и чаще, чтоб заработать чуть больше. Бабушка и дед жили в Подмосковье, и ехать было им далеко и долго, и потому мама просила соседа, живущего через стену, учителя-пенсионера, иногда заходить и проверять меня, остававшегося одного на ночь. Вот он, пытаясь читать сказки, и обнаружил мои способности, потому что вместо того, чтоб спокойно слушать старика, я спрашивал его о буквах. Так мы стали заниматься. Дальше я уже пошел сам. На самом деле, все есть в книгах, помните, как у Джека Лондона в романе «Мартин Иден»: достаточно просто читать, чтоб всему научиться. В шесть лет я уже пошел в школу и окончил ее экстерном в двенадцать. Сейчас, в сорок лет, я доктор исторических наук, профессор, что в моем возрасте нонсенс. Хотя, как мы с вами помним, моя генетика этому не способствовала, – с гордостью закончил он свою речь, но тут противный студент задал самый от-

вратительный вопрос, какой только мог.

Эрик и сам в последнее время много раз задавал его себе и, увы, не находил ответа.

– Ну и что дальше?

От нужды отвечать спас звонок, оглашающий окончание пары.

– Продолжим на следующей лекции, – сказал Эрик, стараясь не показать, что вопрос его задел.

Когда студенты почти моментально скрылись из аудитории, он громко произнес, глядя на верхний ряд парт:

– Товарищ полковник, ваши визиты перестают меня радовать и начинают пугать.

– А зря, – ответил тот буднично. Он достал свой блокнот и начал что-то там писать.

Его всегда восхищал и одновременно раздражал его спокойный тон в любых ситуациях.

– Эрик, – по-отечески снисходительно произнес Василий Васильевич, – есть дело.

– Во-первых, спешу напомнить, что я больше вам ничего не должен. Вы сумели доказать, что я невиновен, а я в свою очередь объяснил вам свой метод и прошел все ваши дурацкие тесты, о которых вы меня просили.

Полгода назад Эрик предупредил своего соседа, что его собираются ограбить, и через какое-то время этого недоумка действительно ограбили, только вот обвинили в этом самого Эрика. Вначале он спокойно пытался объяснить следо-

вателю, что это всего лишь логический ряд, но его никто и слушать не хотел. Вот именно тогда, когда он уже не верил в правосудие, появился полковник. Выслушал его и сумел доказать невиновность Эрика на основании его же показаний. В обмен он попросил пройти ряд тестов и объяснить, как он это сделал.

– Во-вторых, – продолжал Эрик, – я провалил итоговое задание, а в-третьих...

– А в-третьих, я тебе не поверил, – закончил за него Василий Васильевич, кивая. – Видишь, я тоже могу прогнозировать.

– Ну, если так, то вы знаете, что второй раз я не поведусь на это все, – сказал Эрик холодно, собирая в модный портфель свои записи для лекций.

– Знаю, – безо всяких ужимок согласился полковник, продолжая что-то писать, не поднимая взгляд на Эрика. Эта его привычка тоже сильно раздражала.

– Тогда зачем вы здесь? – искренне удивился он.

– Чтоб задать тебе всего лишь один вопрос, – просто сказал Василий Васильевич, продолжая делать записи, – но я опоздал.

– В смысле? – не понял Эрик.

– Я опоздал, потому что его только что задал тебе выскочка-студент. Кстати, ты знаешь, что он влюблен в активистку с первой парты, которая, в свою очередь, влюблена в тебя, вот он и выпендривается, мучась ревностью, – сказал полковник

как бы между прочим. – Так что дальше, Эрик, что дальше? Тебе же скучно, ты достиг всего, что только возможно в своей сфере. Соглашайся, попробуем еще раз, может быть, это была статистическая ошибка. Иначе ты сам себя съешь, чувствуя, как деградируешь в этом университете. Если же все-таки у нас получится, то впереди интересные задачи и работа, которая не даст скучать, а самое главное, чувствовать, что все не зря и весь твой талант и развитый упорным трудом интеллект работают во благо. Что ты не случайно появился на этой планете такой весь из себя умный. Ты будешь консультировать лучшие группы в раскрытии самых запутанных преступлений.

Эрик понимал, что, будучи неплохим психологом, а главное, имея огромный опыт и досконально проверенные данные, полковник сейчас давит на его самое чувствительное место – честолюбие.

– Заново решать ваши задачки и тесты я не хочу. Возможно, у меня тогда не получилось именно потому, что все было искусственным, ненастоящим. Вот поэтому я и ошибся, – ответил Эрик с легкой обидой, хотя очень старался говорить как полковник, спокойно и даже немного устало. Да и к тому же он точно знал, что провалил тот злополучный экзамен по другой причине, но этого полковнику знать не обязательно.

– Опять же согласен с тобой полностью. – Василий Васильевич по-прежнему не спорил с ним и говорил размеренно, продолжая что-то записывать, хотя Эрику уже казалось, что

он не пишет, а рисует, слишком размашисты и непредсказуемы были его линии. – Именно поэтому я и выбил для тебя настоящее дело. Это было непросто, но я все еще верю в тебя и хочу помочь. Оно немного спорное, и вот тут как раз и понадобится твой талант. Если он, конечно, у тебя все-таки есть.

Полковник встал, вырвал из блокнота листок и, положив на парту, со вздохом произнес:

– Завтра в девять, ты знаешь где. Жду.

Когда за полковником закрылась дверь аудитории, Эрик Кузьмич Единичка подошел к оставленному Василием Васильевичем листку и посмотрел. Это был действительно рисунок. Городской пейзаж: стандартные пятиэтажки, фонари и много снега. Под одним из фонарей стоял мужчина с портфелем, похожим на тот, что Эрик сейчас держал в руках, а сверху было написано слово «Зима». Рисунок вышел очень атмосферным, и было трудно поверить, что полковник набросал его так быстро, буквально на коленке. Смущало лишь то, что слово «Зима» было написано с большой буквы.

Глава 3. Юлий

Блокнот № 1, страница 25.

Сегодня я поразился одному обстоятельству, что миром все же правит сила. Знания, начитанность – это прекрасно, но иногда этого бывает недостаточно. Иногда нужна обычная грубая сила. Завтра иду записываться в секцию по боксу. Уверен, что с моей обучаемостью я и там стану первым. Как только я понимаю, что данная опция мне необходима, то преград просто не остается.

Эрик, 1992 год

Странное чувство охватило Юлия. С одной стороны, ему дали шанс, а ведь могли бы и не давать, могли бы просто вычеркнуть его из списков, и всё. Таких, как он, множество, незаменимых не существует, но ему его все-таки дали. Недавно он оббивал пороги и просил, правду говорила ему бабуля, стучись, Юлий, стучись всегда, не стесняйся, какая-нибудь дверь обязательно да откроется. Деньги просить стыдно, а работу – нет.

Маленький город где-то возле Иркутска – это тоже очень хорошо. В таких городах люди обычно всё друг про друга знают, и раскрыть преступление будет не так трудно. Но вот, с другой же стороны, зачем-то придется тащиться туда с двумя гражданскими. Нет, Юлий тоже был на данный момент

гражданским, но, во-первых, он всегда в душе чекист, а во-вторых, он определенно собирался попасть в строй, а эти двое будут висеть на его руках гирями, только мешая расследованию.

Поварившись ночь в этих противоречивых мыслях, Юлий решил, что справится с заданием и вернется с победой, чего бы ему это ни стоило, и никакие гражданские ему в этом не помешают. В крайнем случае, он их просто очарует – бабуля говорит, у него это прекрасно получается.

Парковка возле здания, где была назначена встреча, была забита. Боясь опоздать, Юлий нервничал и, видя, как машина перед ним, найдя место, начала маневрировать, чтоб припарковаться задом, проскочил, встав передом, словно бы и не заметил маневров этого зануды.

– А вам не кажется, что вы сейчас как минимум нарушили основы взаимоуважения автомобилистов на дороге, а как максимум нахамили мне лично? – крикнул из машины чужак в смешной клетчатой кепке и не менее смешном пижонском пальто, у которого он только что увел парковочное место.

Если бы только Юлий не спешил, то непременно поспорил бы с ним, но ему никак нельзя было опаздывать, и он просто быстро зашагал в сторону здания, делая вид, что не заметил его.

Отдышавшись перед кабинетом, Юлий взглянул на часы и удовлетворенно подумал: «Не опоздал».

– Разрешите, – сказал он, открыв дверь. – Юрий Влади-

мирович Царьков прибыл по поручению... – и вдруг замолчал в изумлении.

В кресле хозяина кабинета сидела легенда конторы, Василий Васильевич Бурлаков. Человек, о котором ходили исключительно героические истории, возглавлявший еще недавно оперативно-розыскной отдел ФСБ и недавно ушедший на пенсию.

– Здравия желаю, – сказал Юлий растерянно после затянувшейся паузы.

– Юрий, говоришь, – сказал Василий Васильевич строго. – А мне вот тут папка пришла с твоим личным делом, – полковник кивнул в сторону письменного стола, на котором лежала груда бумаг, – и там написано, что ты Юлий.

– Так точно, – смутился Юлий. – Просто имя мне не нравится, я предпочитаю вариант попроще – Юрий.

– Очень странно для оперативника уделять столько важности своему имени, – сказал Василий Васильевич, прищурившись. – Присаживайтесь, Юлий Владимирович. Вот сейчас вы допустили ошибку, говорю вам об этом в лицо для того, чтоб вы научились на ней. Вы, товарищ старший лейтенант, соврали мне сразу, представившись другим именем. Я делаю вывод, что не могу вам доверять, и молча, не объясняя вам всего этого, делаю руководителем вашей группы другого человека, хотя изначально на эту должность планировались вы. Учитесь не совершать глупости, вы, я так понимаю, на них горазды, иначе так и останетесь старлеем. Доверие – са-

мая большая ценность. Начальство ищет исполнителей, которым может доверять. Семья распадется, если в ней нет доверия, ревность так или иначе приведет к разводу. Дружба всегда основывается на доверии. Доверие – это дар, а вы сейчас так глупо его потеряли.

– Виноват, – сказал Юлий, и от ужаса его сердце ухнуло в желудок.

«Дурацкое имя. Приеду, не пожалею времени, пойду и официально сменю, а бабуле просто не скажу, – в который раз подумал Юлий. – Эх, бабуля, если бы не обещание тебе...»

Только сейчас он заметил, что у стены на стуле сидит женщина лет шестидесяти и молча курит, выпуская дым большими кольцами. Не зная, как правильно поступить, он кивнул, приветствуя пафосную леди, похожую на злую колдунью, сел за стол, куда указал ему полковник Бурлаков, и стал осторожно ее рассматривать. От странной дамы невозможно было оторвать взгляд, хотя она, конечно же, была не во вкусе двадцатипятилетнего оперативника. Кажется, это называется «отрицательная привлекательность». Все в ней было не так: скорее всего, некогда красивое лицо, покрывшись морщинами, стало отталкивающим, тюрбан из черного платка полностью скрывал волосы, но тем самым оголял длинную шею с множеством тяжелых и каких-то нелепых бус. Также красок в образ добавляли всевозможные браслеты и кольца и ярко-красная помада на тонких, высохших губах. Да-

ма, заметив пристальный к себе интерес, вынув изо рта сигарету, каким-то чересчур скрипучим и одновременно очень низким голосом произнесла с нарочитым говором:

– А вы знаете, Юлик, мне таки есть, что вам сказать. Никогда не стесняйтесь своего имени – это моветон. Это все равно, что стесняться матери или Родины, что для нормального мужчины одно и то же. Потому как только эти две дамы примут вас любого, остальные же бросят, лишь только вы исчерпаете возможности.

Он немного оробел, эта женщина была как будто не из этого мира, словно придумана большим воображением плохого сценариста. Юлий даже покосился в сторону полковника, видит ли тот посетительницу своего кабинета или она сейчас мерещится исключительно старлею?

– Какие возможности? – спросил он тихо, потому как посчитал неудобным промолчать.

– Любые, – ответила странная женщина, подумав, и вновь глубоко затянулась сигаретой.

В этот момент без стука открылась дверь, и в нее вошел придурок в клетчатой кепке, которого Юлий только что лишил места на парковке. Они взглянули друг на друга, и старлей уже хотел начать защищаться, думая, что чудак последовал за ним, как мужик, отведя от него взгляд, обратился к хозяину кабинета:

– Простите за опоздание, никак не мог припарковаться.

– Прощаю, – спокойно сказал Василий Васильевич, – но

только потому, Эрик, что знаю, что это не в твоих правилах.

– Эрик и Юлик, – хохотнула женщина, которую Юлий про себя уже прозвал ведьмой. – Прямо как Лелик и Болик, не задание, а праздник души какой-то.

– Прекрати, – сказал полковник укоризненно, но все же хохотнул в кулак, прикрывая им улыбку. – Давайте знакомиться. Это Зоя Саввична Белоцерковская, лучший айтишник в истории конторы, поверьте, вам очень с ней повезло. Зоя Саввична сейчас уже на заслуженном отдыхе, но по моей просьбе согласилась вам помочь.

– Не надо так смотреть, – сказала она своим скрипучим низким голосом, по-прежнему не выпуская сигарету изо рта. – Где вы учились, я преподавала, между прочим, я взламывала Пентагон, когда вы еще под стол пешком ходили.

– Могу предположить, исходя из вашего и моего возраста, что тогда вы взламывали его отмычкой, – ответил на полном серьезе мужик, которого Юлий до этого окрестил «придурком», чем сразу расположил к себе.

– Сработаемся, – сказала ведьма полковнику, проигнорировав слова Эрика.

– Ну и славно. – Василий Васильевич выдохнул. – А вот это Юлий Царьков, очень хороший опер, его рекомендовали вам в помощь.

Словосочетание «хороший опер» дало надежду, что в него все же верят, и Юлий счастливо улыбнулся.

– Ну и спешу представить вам, Эрик Кузьмич Единичка –

доктор исторических наук, профессор, возможно, будущий консультант конторы.

– Мне нравится простое определение, я – учитель, – заявил «придурок», чем опять взбесил Юлия.

– Давайте начистоту, – сказал полковник. – Вам троим, по тем или иным причинам, у каждого они свои, надо пройти данное задание. Это настоящее дело, вернее не так, дело ли это или чьи-то шалости – вы должны решить на месте. Руководителем в связи с последними обстоятельствами, – на этих словах Василий Василевич выразительно посмотрел на Юлия, – назначается Эрик, вы двое ему в помощь, решение в расследовании всегда должно оставаться за ним. Контакты в местной полиции и следственном комитете тебе, Юлий, должны были передать.

– Да, все есть, – заверил Юлий, выложив на стол листок со списком имен, званий и телефонов. – Правда, это все мелочь, так и планировалось?

– С мелочью легче договориться, но пользоваться всем этим, – полковник постучал по бумажке, – осторожно и в крайних случаях, не привлекая внимания органов. Официально вы едете туда как частные детективы, документы прилагаю. Вот немного, что нам известно по делу, в дороге изучите все внимательно, завтра утром у вас самолет в Иркутск.

– Мы летим на Байкал? – спросил теперь уже не просто придурок в кепке, а руководитель группы, от которого зависело, вернут Юлия на работу или нет.

– Нет, вы едете в Зиму, в небольшой городок в двухстах тридцати километрах от Иркутска, – пояснил Василий Васильевич.

Глава 4. Эрик

Блокнот № 2, страница 2.

Сегодня я понял, что не идеален. Да, вот так, и на солнце есть пятна. Я, конечно же, подозревал, но сейчас уверился в своих подозрениях – мне недоступны некоторые чувства, но так как я очень умен, то не позволю никому это заметить. Потому что показывать свое несовершенство – это слабость, которой могут воспользоваться.

Я заменяю любовь на благодарность. Правда, есть один нюанс: любовь – чувство естественное, когда человек любит, он делает это без напоминаний, и все его действия подчинены этому чувству. Не важно, что это, прощание у дверей или подарок на день рождения. Благодарность же – чувство искусственное, и человек быстро о нем забывает. Придется ввести привычку постоянно себе об этом напоминать.

Эрик, 1994 год

Всю дорогу до дома Эрик прокручивал в голове слова полковника.

– Ты только пойми одно, – начал он, когда все разошлись, и он попросил Эрика задержаться, – расследование, как ни крути, это командная работа. Да, группа ваша даже приблизительно не похожа на стандартную рабочую группу, но на этом примере ты должен просто научиться применять свой

метод, о котором рассказывал. Честно, я до сих пор так и не понял, что значит логический ряд и почему он у тебя другой, не такой, как у большинства. Одно мне примечательно, что для своего ряда ты задаешь такие вопросы и уточняешь такие нюансы, которые для обычного следователя выглядят несущественными или не представляющими важности, и он их опускает, а ты нет. Но ладно, я еще поработаю над тем, что ты делал и писал, и попробую это систематизировать. Сейчас давай о сегодняшнем деле, для получения результата, если я правильно понимаю, тебе нужна полная и точная информация о преступлении и главное, обо всем, что предшествовало ему. Поэтому с тобой и едут опер и айтишник. Конечно, это не настоящая большая рабочая группа, в которой предстоит работать в будущем, если ты пройдешь, но и ситуация на месте щекотливая, нельзя поднимать шумиху, возможно, кто-то просто нелепо шутит. Ты должен делегировать своим помощникам поиск нужной тебе информации. Как только поймешь, что там пустышка, тут же возвращайся. Даже отрицательный результат – это тоже результат. Научись работать в первую очередь в команде, слышать партнёров. В частности, опера, да и Зоя Саввична, поверь, может очень многому тебя научить, не игнорируй ее помощь.

– Я и сам неплохой айтишник, – заметил Эрик недоверчиво.

– Даже спорить не буду, но одно дело – просто разбираться в вопросе, а другое – применять свои навыки в расследо-

вании. Это здесь главное. Я буду постоянно с тобой на связи, ночью или днем в любое время. Единственное, предупреждаю тебя о самой большой возможной ошибке – не спеши списывать все на больное воображение людей. Поверь моему опыту, если человек видел инопланетянина или привидение, в девяноста восьми случаях из ста кто-то очень постарался, чтоб он его увидел.

– А оставшиеся два процента? – уточнил Эрик, хмурясь. Ему сейчас не нравилось абсолютно все – и хамоватый молодой опер, и грубая айтишница в возрасте, и даже город Зима, куда им предстояло лететь. Ну и, конечно, само дело, которое больше походило на злую шутку, чем на серьезное расследование. Хотя, возможно, это первое неправильное впечатление, потому как Эрик лишь вскользь просмотрел его, не останавливаясь на деталях.

– Один процент – на то, что заявитель сумасшедший, – ответил Василий Васильевич.

– А еще один?

– А еще один, что инопланетяне и привидения существуют. – Первый раз Василий Васильевич улыбнулся.

Эрик открыл дверь в квартиру своими ключами, но мама уже ждала его в прихожей.

– Сыночка, ты почему так долго, что-то случилось? Я волновалась.

Эрик уже давно мог бы съехать от матери, у него была своя квартира, но он жалел ее. Понимал, что без вот этих охов

и совместных ужинов она будет чувствовать себя ненужной и начнет быстрее угасать. У Эрика же пока не было семьи. Хотя почему пока – у Эрика, скорее всего, ее никогда не будет. Так уж случилось, что в силу характера или, возможно, испорченных генов сбежавшего папаша, некоего Кузьмы Единички, у него была абсолютно неразвита, атрофирована способность любить. Понял он это еще в детстве, когда стал сравнивать себя с другими. Дети плакали и скучали по своим родителям, стараясь побыть с ними как можно дольше. Он помнил свое удивление, когда соседский пацан бежал навстречу к своему отцу, расставив руки, и, вскочив на него, целовал того в щетинистую щеку. Эрик же не чувствовал ничего подобного ни к своей родительнице, ни к бабушке и дедушке. Он чаще жалел их, особенно мать, как брошенного котенка у подъезда: эта неприспособленная к жизни женщина вечно попадала во всякого рода неприятности. Еще Эрик воспитывал в себе и другое чувство к матери – благодарность к человеку, посвятившему ему свою жизнь.

Позже он понял, что неспособен полюбить и противоположный пол. Мальчишки в классе влюблялись, бегали за девчонками, страдали, а он был равнодушен и не видел смысла в каких-то проявлениях симпатии. Эрик очень хорошо помнил момент, когда он наконец ощутил природную тягу к девушке, сработал инстинкт, и он обрадовался – вот оно, он все же может чувствовать, но, получив желаемое, потерял к представительнице прекрасного пола всякий инте-

рес. Более того, она после этого начала сильно его раздражать, заглядывая в глаза и глупо ухмыляясь, и он постарался как можно быстрее избавиться от назойливого внимания. Со временем Эрик понял, что это нечестно по отношению к девушкам, и стал пользоваться услугами жриц любви. Они ему дарили физическое удовлетворение, он им щедро за это платил. Никаких неудобств. Никакой любви.

– Мам, для чего человечество придумало телефон? – спокойно поинтересовался он, снимая свое щегольское пальто в клетку и очень аккуратно вешая его на плечики. – Где причинно-следственная связь? Волнуешься – позвони.

– Я не хотела тебя беспокоить, – сказала она и потупилась, как ученица, не выучившая урок.

– Ну все. – Ему снова стало ее жалко. – Не обижайся, я виноват, забыл тебе позвонить. Помнишь, я тебе говорил про новую работу?

– Да, конечно. – Мама, поняв, что сын не злится, расплылась в улыбке и тут же пошла накрывать стол к ужину. – Но ты же вроде говорил, что ничего не получилось, ты не прошел там какие-то испытания, – кричала она уже из кухни, и это его невероятно раздражало.

Эрик глубоко вдохнул. Он запрещал себе злиться на мать, однажды отчетливо осознав, что этому человеку он обязан своей жизнью, да что там, не просто жизнью – самим своим существованием. Она не бросила его, когда предали ее саму, а работала как вол, пытаясь дать сыну если не полноценную

семью, то хотя бы одежду и еду, не хуже, чем у других.

Она так и повторяла всегда, когда покупала Эрику очередную вещь: «Ну, теперь, слава Богу, ты не хуже других».

Ему же эти терзания были чужды, что значит «не хуже», он лучше, намного лучше, причем априори лучше, о чем, по его мнению, не стоит даже беспокоиться, но мать все равно волновалась и старалась дать все что могла.

– Уже пару раз забегала Алька, – сказала она, поставив перед Эриком огромную тарелку с жарким. – Она не могла до тебя дозвониться, не понимаю, зачем ты с ней дружишь, девушка она беспутная, взбалмошная, плюс ее сфера деятельности... Где ты, а где она. Соседка Марья Петровна из шестой квартиры уверяет, что Альбина навела на нее порчу.

– Мам, – Эрик говорил спокойно и вкрадчиво, хотя очень хотелось закричать, – я тебе уже давно говорю, что Алька мой друг, возможно, единственный, а друзей не выбирают. Их принимают любыми, даже ненормальными, как Аля.

– Это родителей не выбирают, – проворчала мама, но тут же осеклась, покраснела и снова, как нашкодивший ребенок, уставилась в пол.

– И друзей тоже, мам, – примирительно сказал он. – Поэтому Алька – это мой крест. Да, она временами неадекватна и взбалмошна, но это не отменяет того, что она одна из немногих, кому я могу доверять. Она единственная меня принимала и понимала, когда никто со мной не дружил. Она преданна и помнит добро, а это ценно в нашем мире. Тема

закрота.

Эрик не рассказывал матери, что плюс ко всему своим нынешним благосостоянием он тоже обязан исключительно Альке. Работа в университете и все его звания не давали финансовой стабильности, вот он и придумал, как зарабатывать деньги на своих способностях, сделав подставной фигурой подругу, при этом самому оставаться в ее тени.

Он открыл ноутбук и стал звонить Альке по видео. Как только из ноута прозвучало звонкое «Привет, ботан!», мама, нарочито громко вздохнув, вышла из кухни и деликатно прикрыла за собой дверь.

– Ты зачем маму пугаешь? Ты же знаешь, она тебя боится, – сказал Эрик, отставив в сторону невкусное жаркое. Мама так и не научилась готовить, но он никогда не говорил ей об этом – это было одним из его способов проявить благодарность.

– Ты не брал трубку, я заволновалась, – сказала Алька, ничуть не смутившись. – У меня с клиентом через полчаса сеанс, я уже отменять собралась. Ты куда пропал? – И не дождавшись ответа, ведь Алькины вопросы о жизни всегда были исключительно риторическими, спросила о главном, что ее действительно интересовало: – Ну, что там сказала нам его умершая мама?

– Я все помню, – спокойно отозвался Эрик. – Смотри, я все изучил и уверен, что жена твоего бизнесмена не сегодня-завтра пойдет налево, все он точно чувствует, но пока

этого не случилось, пока она сомневается. Ей не попался еще достойный кандидат, но кто ищет, тот всегда найдет, и она очень быстро это сделает. На все даю месяц, максимум два. Он может это предотвратить кардинальными мерами: запреты, отчеты, слежки. Проще поменять жену, установив в ее телефоне прослушку и поймав на неверности. Следующая супруга, правда, тоже сохранит верность на год или полтора от силы – это его рок, не тех он выбирает. Если он хочет спокойной семейной жизни, я бы ему рекомендовал обратиться внимание на свою одноклассницу, которая работает у него личным помощником. Женщина влюблена в него и будет верной до конца дней своих или его, без разницы. Да, согласен, ей не шестнадцать, но ведь и ему тоже, а она, кстати, прекрасно выглядит для своего возраста. И еще, так, по мелочи, для вау-эффекта. Собака сдохнет в течение недели, а машина попадет в ДТП, если ее срочно, настаиваю, срочно не отдать в сервис.

– Боже, если бы я тебя не знала, подумала бы, что это все бред, – протараторила Алька. – Страшный ты человек, Эричка. Вот как ты это делаешь? Собака-то как?

– Все очень просто, Алька, так просто, что даже скучно. Я прочитал все, что ты мне на этого дядю нарыла, плюс ко всему на выходных сходил от интернет-провайдера настраивать к ним в дом упавший интернет.

– Ага, – хохотнула Алька, – сначала уронил, а потом поднял.

– Рабочая схема, – признал он. – Вот меня всегда умиляет вопрос: почему люди не сопоставляют факты, не видят в совпадениях закономерность. Ну если у вас повис интернет и приходит ремонтник, которого вы даже не вызывали, – задумайтесь. Да, он называет вашего провайдера, да, у него униформа, и он знает, что у вас не работает интернет, но главное, что вы его не вызывали. Включите вы критическое мышление, нет же, плывут по течению. Закон навязанных обстоятельств в деле.

– Ты вообще о чем? Он спрашивает свою умершую маму, не изменяет ли ему жена, и все это делает за огромные деньги, – хохотнула Алька. – Так что там с собакой?

– С собакой-то все проще некуда, там даже мои способности не понадобились, – сказал Эрик. – К сожалению, она очень сильно больна, это очевидно, много операций ей уже сделано. Я увидел чек в прихожей и съездил в ту ветклинику, поговорил с санитаром одним, за небольшое вознаграждение. В общем, они его разводят на деньги, убеждают, что есть надежда, а на самом деле собаке остались считанные дни. С машиной почти то же самое: у его шофера сейчас болен ребенок, он рассеян и совсем не следит за машиной. Явный стук в правом переднем колесе, мне кажется, это похоже на шаровую, в сервисе наверняка подтвердят, что возможна авария. А вот все остальное хоть и не так эффектно, но немного сложнее, их я просчитал по своему методу, про который тебе надо понимать лишь одно: если знать пред-

шествующие события, можно рассчитать возможные последствия с точностью девяносто процентов.

– Ну вот я тоже знаю предшествующие события у этого дядьки, но я же не могу ничего предсказать. Мне кажется, ты что-то от меня скрываешь.

– Ты не можешь предсказать, Алька, потому что ты обыкновенная, – без эмоций сказал Эрик, даже не пытаясь ее обидеть. – Мой мозг как персональный компьютер, перебирая всевозможные варианты развития событий, сравнивает и выискивает похожие, там же он рассчитывает наиболее возможное стечение обстоятельств в данном конкретном случае. Знаешь, бывает, для полной картины, чтоб мне стало понятно, не хватает какой-то мелочи, на которую другой человек не обратил бы внимания, и вот только получив все кусочки пазлов, он выдает правильный результат. Загвоздка лишь в этих пазлах, они всегда нужны разные, для каждого конкретного случая свои, и угадать, какие именно, – самое трудное занятие.

– Ты как этот, политик, забыла его фамилию... Он недавно умер, а поднимают его видео, записанные много лет назад, и он там в точности предсказывает события, что происходят сейчас в стране и даже мире. Его в сети называют оракулом.

– Именно, – кивнул Эрик, сразу поняв, про кого она говорит. – Только он никакой не оракул, а человек, который очень хорошо знал историю. Ладно, я устал, наряжайся в свои цыганские наряды и с большим трепетом и испариной

на лбу выдавай своему клиенту, что сказала его мама.

– Давай, ботан, отдыхай. – Алька послала ему воздушный поцелуй, и экран свернулся.

Этот способ заработка он придумал несколько лет назад. Люди не меняются, и не важно, пятнадцатый на улице век или двадцать первый, все хотят верить в чудо. Как там пелось в старой песне: ну что сказать, устроены так люди, желают знать, что будет. Потусторонний мир и тайна жизни после смерти влекут людей, заставляя раскошелиться. Лучшей кандидатуры на место экстрасенса или медиума, чем Алька, было не найти.

Они с детства были соседями, жили на одной площадке – Эрик, серьезный и сложный, и легкомысленная и простая Алька. Разница в десять лет лишь придавала их отношениям братско-сестринский флер. Эрик действительно переживал за нее, за ее судьбу. Когда она выходила замуж, он знал, что у нее с этим мужчиной ничего не получится, но молчал, ожидая, когда она прибежит к нему вся в слезах, и жалел ее. Иногда ему казалось, что, может, вот она, эта любовь, он может, он все-таки способен на нее, пусть всего лишь на братскую, но понимал, что и здесь испытывает исключительную жалость. Алька росла с бабушкой, та беспощадно пила, и жизнь маленького человека с детства была невыносимой. Эрик вновь просто пожалел девчонку и взял над ней шефство. Альке просто не повезло, у нее не оказалось такой мамы, как у него, которая, когда предали ее, не предала сама.

Из-за своего взрывного характера Алька не задерживалась на работе и перебивалась мелкими заработками. Но у нее был один плюс – дух авантюризма, что очень подходило для этого проекта, и их дела быстро пошли в гору.

Итак, надо до завтра изучить папку, лежащую в его модном кожаном портфеле, собрать чемодан, а утром самолёт. От предвкушения возможной загадки настроение поднялось.

– Сыночка, – услышал он голос мамы из гостиной. Это было странно, обычно она сама всегда приходила, если что-то хотела сказать. Именно потому, что это выбивалось из модели ее поведения, Эрик поторопился на зов.

Мама лежала на полу, ее губы были синие, она часто моргала, видимо, пытаясь прийти в себя.

– Скорая, срочно, у женщины сердечный приступ, – даже не наклонившись к родительнице, Эрик тут же набрал номер экстренной службы. Его мозг отказывался терять время на сантименты и охи, глупые вопросы типа «что случилось» и «как ты себя чувствуешь», выбрав единственно правильный путь. Потому что именно эти действия были конструктивными, именно они подразумевали под собой благодарность за жизнь. Все остальное – слезы, крики, причитания – прерогатива любви.

4 января 1920 года

Станция Зима

Андрей Североярский, юноша девятнадцати лет, адъютант Александра Васильевича Колчака, продрог до костей, но не спешил кутаться во всё, что попадалось под руку, как это делали чехи, охранявшие состав. Они быстро приспособивались, даже уже научились материться по-русски и, обвязанные шальями, как заводские сторожа, вполне себе смахивали на местных. Один такой только что вышел из вагона верховного главнокомандующего, приказав Андрею передать адмиралу строжайшие указания, а он стоял возле двери, ведущей в купе Александра Васильевича, и не знал, как это сделать. Как же так, как могло произойти, что теперь какой-то чех или француз мог приказывать русскому правителю?

– Войди, – услышал Андрей и еще раз удивился гению Колчака. Ему иногда казалось, что у него есть глаза даже на спине.

– Александр Васильевич, не спите? – Он осторожно вошел, прикрыв за собой дверь. Андрей Северояр-

ский был искренне предан Колчаку и смотрел на него как на Бога.

– Почему остановились? – спросил адмирал устало.

– Мы на станции Зима. Чехословацкий полк, что теперь охраняет состав, взял под контроль управление всем поездом. Ими был отдан приказ остановиться здесь на несколько дней. Они не выпускают из вагонов никого – ни сотрудников Госбанка и Госконтроля, ни офицеров. Сказали, будут менять вагоны местами.

– Мы должны были это делать еще на станции Тыреть, почему поменялись планы? Опять Зима, вот и не верь в судьбу... Я был здесь год назад, тогда в округе был всего один приличный дом, чуть поодаль, губернатор иркутский себе когда-то построил для отдыха в лесу, да так ни разу в нем и не побывал, вот меня туда и поселили. Хорошая усадьба, добротная, а как там дышится, а какие там кедры вокруг! Кстати, оставил я там старого мичмана на хозяйстве, приглядывать, так сказать, за домом. Видимо, не зря, придется еще пожить в нем. – Адмирал вздохнул. – Повинен я, наверное, в чем-то, хотя и не хотел никогда ничего дурного. Ты знаешь, есть такое поверье, что название Зима происходит от бурятского «зэмэ», что означает «вина, провинность». – Колчак говорил, потирая красные глаза. – По преданию, бурятский род, проживающий в этой местности, считался чем-то очень прови-

нившимися перед своими богами. – Он нехотя встал. – Пойду переговорю с командиром чехословацкой охраны, сколько стоять будем, может, на время стоянки мне в тот дом поселиться.

– Александр Васильевич! – Андрей чувствовал, как его щеки загорелись огнем, так было всегда, когда он волновался. Такое проявление сильных переживаний еще и сопровождалось ярким румянцем, которого он как офицер жутко стеснялся. – Они и вам настоятельно рекомендовали не покидать ваш вагон. Десять офицеров под охраной.

Ни один мускул не дрогнул на лице адмирала. Немного помолчав, он спросил:

– А остальные офицеры где?

– Почти все они сошли с поезда по пути следования на разных станциях, – сказал адъютант и закашлялся, так трудно ему было докладывать о предательстве тех, ради кого Александр Васильевич отказался эвакуироваться в одиночестве под охраной и поехал в общем поезде.

– Не вагоны они переставляют собираются, – тихо, словно говоря сам с собой, произнес Колчак. – Хотя, может, и их тоже.

В последнее время шли очень тяжелые новости, и с Дальнего Востока в том числе. Слишком уж лютовали на местах военачальники и настроили народ против

себя.

– Мне докладывали, еще когда я был в Омске, что в Иркутске генерал Сычев прилюдно расстрелял тридцать одного политзаключенного, чем очень разгневал народ. Красные, которых поначалу здесь не жаловали, быстро этим воспользовались и переманили симпатии населения на свою сторону. В донесениях все больше встречаются упоминания о красных партизанах, численность которых растёт, и это уже не маленькие банды, не понимающие, что они творят, теперь их действия стали управляемыми из центра и полностью скоординированными. Это уже настоящая армия, вот их и боится трусливая Антанта. Продают нас друзья чехи и французы, – сказал он, усмехнувшись уже Андрею. – Уверен, переговоры ведут, торгуются, как бабы на базаре. Скорее всего, даже не золотом нашим торгуют, его-то они точно уже не отдадут. Там, скорее всего, моя жизнь на кон ими поставлена. Больше всех, думаю, старается генерал Жанен, пытаюсь спасти свою шкуру и договориться о выводе союзных войск до Владивостока и при этом еще и с золотом.

– Не посмеют! – порывисто воскликнул Андрей, но даже в его голосе чувствовалась неуверенность.

– Посмеют. – Колчак сел обратно на диван. – Я, скорее всего, уже приговорен. Ничего не изменить. Да что там я, Россия мертва.

– Мы дойдем до Иркутска, там соберем армию и вновь пойдём на Москву. Красные не продержатся долго, вот увидите.

– Ступай, – жестко сказал ему Александр Васильевич, видимо, не желая слушать патристичный бред, в который уже никто не верил.

Андрей уже хотел выйти, но тут Колчак выглянул в окно и увидел солдата охраны, дежурившего прямо под их окном. Видимо, это стало последней каплей в унижении адмирала, и он, быстро открыв его, прокричал что есть мочи:

– Пошел вон отсюда!

Перепуганный солдат попятился, и Александр Васильевич, видимо, сообразив, что тот не понимает по-русски, стал громко повторять то же самое на всех языках, какие мог сейчас вспомнить. В этих криках было столько отчаянья, столько безнадёги, что Андрей, не желая видеть адмирала таким, закрыл глаза. Непонятно, на каком, польском или французском, но конвоир все же понял приказ и побежал к своему начальству – докладывать о происшествии.

Удостоверившись, что солдат не вернется, Колчак закрыл окно, выключил свет и вновь лег на диван, не обращая внимания на оцепеневшего адъютанта.

Андрей в первый раз послушался приказа и сел тут же на стул. Он решил охранять сон главнокомандую-

щего, но не заметил, как уснул сам. Снилось ему лето, дача, зелень и чай. Вкусный чай с липовым медом, что может быть прекраснее. Родители, сестра... Андрей был счастлив, и казалось, что Зима, холод и война – это всего лишь дурной сон.

Вдруг налетела буря, и стало очень холодно, так холодно, что руки задрожали. Он открыл глаза и понял, что холодно на самом деле, потому как окно, в которое адмирал недавно кричал на охрану, по-прежнему открыто. В темноте на его фоне небольшая фигура подняла руку и метнулась в сторону адмирала. Не задумываясь, Андрей кинулся вперед и уже вблизи увидел, что в руке у ночного гостя нож.

Глава 5. Эрик

Блокнот № 2, страница 23.

Я сегодня почувствовал смерть, и это было не страшно, это было холодно. Мы с мамой приехали к бабушке с дедушкой. Последний очень сильно болел. Обе женщины сидели и плакали на кухне, а потом, зайдя к деду в комнату, улыбались заплаканными лицами и говорили нарочито смешные и беззаботные вещи. Я же почувствовал ее присутствие рядом с дедом и почему-то даже не усомнился, что это была она. Когда мы с мамой вечером шли на электричку, я сказал ей, что сегодня дед умрет, за ним пришла смерть. Мама вскрикнула и залепила мне пощёчину. Потом она долго плакала и извинялась передо мной, но мне было это не нужно, я сделал правильный вывод: никогда не говорить людям то, что они не в силах выслушать. На следующий день дед умер.

Эрик, 1997 год

Эрик буквально силой вынырнул из сна и тяжело задышал. Это был все тот же постоянный сон, который приходил периодически, не давая забыть его содержания и повторяясь в точности до секунды. Ему потребовалось несколько минут, чтобы сообразить, где он. Маленькое купе поезда, верхняя полка.

Точно, они сначала долетели до Иркутска, а потом сели на

поезд до Зимы, и, хоть ехать было недолго – полтора часа, им взяли билеты в купе, за что Эрик был особенно благодарен.

Ночью поспать совсем не удалось, приехала скорая, поставила матери укол и в срочном порядке приняла решение о госпитализации. Эрику пришлось ехать с ней, об этом родительница очень просила сына, хоть этот поступок абсолютно не имел смысла. Эрик понимал, что внутри его все равно не пустят, но уступил ее мольбам.

Всю дорогу в скорой мама держала его за руку, а Эрик, напоминая себе о долге, стойчески терпел, хотя не любил тактильных контактов без особой необходимости. Когда машина въехала уже на территорию больницы, она жестом попросила его нагнуться и прошептала:

– Сыночка, я чувствую, что умираю, я должна тебе признаться...

– Вам не стоит сейчас разговаривать, – строго сказал уставший доктор скорой помощи, увидев, как она возбужденно шепчет. – Сейчас вам купируют приступ, а вот завтра или послезавтра сын придет, и вы поговорите.

Эрик понимал, что поступил в тот момент неправильно, просто промолчал. Скорее всего, как сын он должен был сказать матери нечто успокаивающее, что, мол, все будет хорошо, ты ни в чем не должна признаваться, ты поправишься и расскажешь все спокойно, но не сделал этого. Он просто промолчал, а все потому, что Эрик был уверен: то, что хотела сказать ему мать, очень важно и может перевернуть всю

его жизнь. Он хотел это услышать и одновременно боялся, где-то внутри догадываясь, что она будет говорить с ним об отце. Это единственное белое пятно в его биографии, единственная тайна, которую он хотел знать, одновременно боясь разочарования.

Команда попалась молчаливая, всю дорогу они практически не разговаривали. Опер Юлий был молодым и самоуверенным глупцом, смотрящим на мир свысока, и страстным любителем пошутить, а странная Зоя Саввична, женщина за шестьдесят, была эксцентричной и совсем не тянула на айти-специалиста.

– Зима через пять минут, – сказала проводница, заглянув в купе и нарушив стоявшее здесь уже полтора часа молчание.

– Ну что, начальство. – Юлий, когда они вышли на перрон, подошел к Эрику вплотную. Хотя он и был выше, Эрик чувствовал, что сильнее этого мальчишки и физически, и морально. – Давай на время зароем топор войны, вот прямо здесь, на вокзале, вместо топора можно взять лопату, она прекрасно подойдет, рыть можно снег, – сказал он, указав на пожарный стенд. – Предлагаю тебе, конечно, не руку и сердце, а мир, что тоже немаловажно в нашем случае. Я бы на твоём месте от такого предложения не отказывался.

– Я не переходил с вами на «ты», – ответил ему Эрик, рассматривая парня и пытаясь понять, действительно ли он хочет мириться или это очередная провокация, слишком уж насмешливым был его тон. Детство в заводском дворе, где

правота определялась силой, научило Эрика не верить улыбкам и шуткам.

– Как сказала бы моя тетья Песя, – своим грудным голосом произнесла подошедшая к ним Зоя Саввична, дыхнув на парней только что прикуренной сигаретой, – вы так заносчивы, Эрик Кузьмич, как гаишник с престижного перекрестка. Я согласна с Юликом, ваши препирательства будут мешать работе, а мне это неинтересно. Мальчик дело предлагает, кстати, со мной можно на «ты».

– Хорошо, давайте на «ты». Вот тебе, Кай, первое задание: нам нужно найти такси, – сказал Эрик Юлию, выдержав небольшую паузу.

– Да почему Кай-то? – как-то по-детски, возможно, от неожиданности, возмутился Юлий, разведя руками. – Не, ну это ниже пояса.

Эрик улыбнулся, он правильно понял слабое место парня. Странно, что с такой реакцией он до сих пор не поменял имя официально.

– Ну как Кай Юлий Цезарь, – ответил Эрик ему. – Не хочешь быть Юлием, будешь Каем.

– А вы мне уже нравитесь, – хохотнула Зоя Саввична, выпустив дым кольцами. – Правда, Юлик мне нравится больше, он таки проще.

– А вы уверены, что это достоинство? – уточнил Эрик серьезно и, ухмыльнувшись, добавил: – Не разочаровывайте меня, госпожа Белоцерковская, вы сама воплощение слож-

ности.

– А, – махнул на них руками Юлий и пошел к выходу.

У вокзала стояла целая вереница такси в ожидании пассажиров. Эрик уже хотел подойти к первой в очереди, как очень наглая машина, обогнав всех, пристроилась прямо перед стоящей в растерянности тройкой прибывших пассажиров.

– Запрыгивайте, довезу быстрее и дешевле этих оборотов! – крикнула из салона девушка лет тридцати, и они, почему-то подчинившись ей, как по команде сели в машину.

Через секунду после того, как хлопнула последняя пассажирская дверь, машина уже мчалась от вокзала, оставляя позади ругающихся ей вслед таксистов.

– Куда едем? – спросила таксистка, по-прежнему счастливо улыбаясь, словно сорвала джекпот. Видимо то, как она обошла своих конкурентов, ей очень понравилось.

– Есть гостиницы в вашем городе? – спросил Юлий. – Кстати, скажите, пожалуйста, у вас все таксисты такие красивые?

– Нет, – ответила та, сверкая изумрудными глазами. Ее черные как смоль волосы и широкие скулы выдавали в ней бурятские корни, но уже порядком смешанные. – Только я, остальные на любителя.

– А вы не боитесь, что они вас побьют? – осведомился Эрик жестко. Ему не нравилась эта выскочка и не нравилось, что Юлий уже всю кокетничал с ней. Не то чтобы он рев-

новал, это было не в его стиле, просто не любил навязанные обстоятельства, а случай с такси сейчас был как раз из этой категории.

– Да вы что, это они так, для порядка покричали, а так они с меня пылинки сдувают. Кто им еще машины-то ремонтировать будет, – ответила девушка, улыбаясь.

– А вы не только красавица, но еще и умница, – продолжал флиртовать Юлий.

– Я инженер-конструктор, семь лет на заводе проработала, так что обращайтесь, если что.

– И как вас сюда-то занесло? – спросил Эрик по-прежнему без капли вежливости. – После целого завода-то?

– А вот это не ваше дело, – ответила девица, перестав улыбаться, и ее лисьи глаза превратились в щелочки. – Может, адрес все же скажете?

Эрик молча протянул ей листок.

– Так бы сразу и сказали, что к Колчаку едем, – произнесла она буднично.

– Но, насколько я знаю, у хозяина дома другая фамилия, – сказал Эрик, заинтересовавшись новой информацией.

– Так это не фамилия, это название усадьбы. Никто уже и не помнит, почему она так называется.

– Усадьбы? – удивился Эрик, разглядывая в окно, прямо скажем, не выдающийся пейзаж, характерный для любого маленького города России.

– А начальство, я так посмотрю, решило не читать ввод-

ные. Чувствую, наработаем мы, эх, пропало мое назначение, – сказал Юлий с иронией, даже не повернувшись в сторону Эрика.

– В чем дело, Кай, бери все в свои руки, – ответил ему Эрик. – Распутай преступление, и я признаю, что ты лучший.

– Давай ты лучше съешь свою кепку, когда я расследую дело, – предложил Юлий, улыбаясь. – У меня будет сразу два праздника – назначение и избавление мира от этого уродства.

– Мальчики, ша, – перебила их Зоя Саввична, не отрываясь от смартфона. – Драка переносится на вчера.

Он хотел еще что-то ответить наглому оперу, но машина остановилась, и таксистка торжественно провозгласила:

– Приехали! Усадьба Колчака.

Они вышли у высокого, причудливо выкованного забора. В глубине двора, между огромными кедрами виднелась усадьба. Расчищенные дорожки освещались фонарями, а дом был красиво украшен огнями, и потому снег казался не белым, а золотым. Да, это была именно усадьба, как на фотографиях начала двадцатого века. Она казалась безлюдной, и единственное, что выдавало в этом пейзаже обитаемость, – это наспех слепленный кривой снеговик с оскалом вместо улыбки, смотрящий, как и гости, в окна усадьбы.

– Это уже не город? – спросил Эрик у девушки-водителя, оглянувшись. Она вместе со всеми вышла и тоже, видимо, залюбовалась красотой, словно бы сошедшей с картины Пе-

рова.

– Формально нет, это пригород, а вот номинально почти город, – ответила она, крутя на пальце ключи от машины с каким-то странным круглым брелоком, и тут же спросила: – А вас здесь ждут? А то, насколько я знаю, в этом доме не любят гостей. Хозяина в городе называют Сине́й Бородой и приписывают ему всякие мистические способности вроде превращения камня в золото и убийства своих жен. Кстати, поговаривают, он собирается жениться в третий раз.

– Откуда такие познания? – спросил Эрик.

– Город у нас маленький, все шепчутся, и трудно понять, где правда, а где ложь. В основном это всё гибрид, эдакая полуправда получается.

– Город полуправды-полулжи, – задумчиво сказал он вслух, и вдруг ему стало холодно, очень холодно. И даже не потому, что он был одет не по погоде в красивое пальто в клетку и не менее красивую, по его мнению, кепку, а на улице было не меньше тридцати градусов со знаком минус. Он помнил этот внутренний холод, он его уже чувствовал, и не однажды. Этот холод нельзя спутать ни с чем другим. Наступал он, когда рядом находилась смерть, вот и сейчас она была где-то совсем близко, и Эрика передернуло от этого мерзкого ощущения.

Таксистка, заметив, видимо, это, произнесла:

– Не по-нашему вы одеты, здесь так нельзя. Меня, кстати, Нина зовут, вот мой телефон. – Девушка протянула ему ви-

зитку. Будет нужно такси – звоните.

И, не прощаясь, села в машину и уехала, оставив пассажиров у огромных запертых ворот.

– А вы видели, ребята, – сказала Зоя Саввична, не переставая смотреть на сказочную усадьбу, – какие зеленые глаза у этой симпатичной бурятки? Они на ее лице как что-то инородное, чужое, прям как зять в моем доме.

Но мужчины ей не ответили, каждый сейчас думал о своем.

Глава 6. Андрей Андреевич Аюшеев

Блокнот 2, страница 30.

Сегодня я понял, что люди не всегда ведут себя так, как нам кажется правильным, потому что правильное у каждого свое.

Эрик, 1997 год

Андрей Андреевич Аюшеев сидел в своем кабинете и смотрел на четвертую открытку, которую получил сегодня. Первую он попросту выкинул, вторую порвал, и теперь она, заклеенная скотчем, лежала тут же. Когда он получил третью, то уже взял ее в перчатках и, поместив в пакет, отнес в полицию в надежде, что на ней остались какие-нибудь следы отправителя. Но напрасно – полиция провела все положенные экспертизы, хоть, надо сказать, и сопротивлялась, но ничего на ней не нашла. И вот четвертая. Он не понимал, кто сейчас играет с ним и во что. Идти в полицию больше не хотелось, ведь все, включая начальника, к которому Андрей обращался непосредственно, хихикали над ним и толком ничего не делали. Брат, занимающий высокий пост в силовых структурах в Москве, обещал отправить каких-то особенных специалистов. Они должны прибыть сегодня, вот их и надо ждать, хватит веселить уже местное начальство и давать во-

лю слухам.

Еще эта старуха... Вот отец был другим, он бы выгнал вредную тещу на следующий день после похорон ее дочери, а Андрей слишком мягкий – пожалел. Вот и выходит ему боком его жалость. Или ничего? Пронесет, и бабка уж умом пошла и особо не соображает? На то и надежда. Хотя есть еще один способ заставить ее замолчать, но к нему Андрей прибегнет лишь в экстренном случае.

Он чувствовал, как теряет силы и молодость, хотя и зеркало говорило об обратном, а для подпитки и новых сил надо жениться на молодой, что Андрей Андреевич и собирается сделать.

В кабинет постучались, и он, быстро убрав открытки в ящик стола, произнес:

– Войдите.

Увидев на пороге Римму, он выдохнул.

– Хорошо, что это ты, – сказал, улыбнувшись, Андрей. – Не хочу никого видеть. – И, решив сразу подготовить почву на всякий случай, спросил: – А тебе не кажется, что Сталина Павловна у нас впала в маразм – или как там эта болезнь называется, в деменцию? Сегодня пришла ко мне и говорит, и говорит всякую бессвязную ерунду. Вот, например, заявила, что ты у нее деньги крадешь.

– Какая глупость! – ужаснулась Римма. – Надо за ней понаблюдать.

– Я ее в этом разубедил, конечно, а ты не напоминай ей,

вдруг забудет. Что поделаешь, старость, – нарочито печально вздохнул Андрей.

– Может, в больницу ее какую пристроить? И лечение, и нам не страшно, – тут же предложила Римма.

– Подумаем, жалко ее. Расскажи мне лучше еще раз, где ты нашла открытку?

Римма, такая родная и такая хорошая, самый близкий ему человек в этом доме, возможно, единственный, кому Андрей доверял на сто процентов, прикрыла дверь и негромко повторила свой рассказ:

– Я пошла сегодня с утра на рынок за покупками, со мной был наш водитель Иван. Я, Андрюша, периодически заглядывала в свою сумочку, то деньги доставала, то карточку, и открытки там не было. Уже дома, разобрав покупки, я решила прочитать срок годности на одной из упаковок и пошла за очками – вот тогда я ее и обнаружила.

– Дома кто был? – спросил он, хотя уже знал ответ.

– Все были, и Иванна, и Геля, Алиса вернулась с салона вместе со мной, в одну дверь, как говорится, а Сталина Павловна, ты же знаешь, и вовсе почти никуда не выходит, – повторила Римма терпеливо то, что уже говорила до этого.

– Значит, любой мог положить тебе ее в сумочку, пока ты раскладывала продукты, – рассуждал вслух Андрей.

– Господь с тобой, Андрюша, – сказала Римма ласково. – Девочки-то тут при чем, скорее всего, мне на рынке подкинули ее, когда я рассчитывалась. Последним делом я купила

рыбу, вот там это и случилось, наверное.

Он посмотрел на нее ласково. Римма-Римма, она совсем не изменилась. Он знал ее уже тридцать лет, а она все такая же добрая и доверчивая, какой была в двадцать. Да что там, она и внешне-то почти не изменилась. Черные волосы подстрижены очень коротко, огромные глаза и точеная фигура, всегда подчеркнутая вещами черного цвета. Разве что за тридцать лет, что они знакомы, это красивое лицо покрыли небольшие морщинки, но они совсем ее не портили, а лишь придавали солидности.

– У тебя ведь скоро юбилей, – вспомнил Андрей. – Надо подумать, как будем праздновать.

– Глупости, – отмахнулась Римма с улыбкой. – Женщины уже такие даты не отмечают. Это ты в пятьдесят лет, вон, молодую замуж ведешь, а женский век короток, и пятьдесят – это... – Она замолчала, не закончив свою мысль, лишь грустно на него посмотрела.

Андрею почему-то стало стыдно смотреть ей в глаза, он встал и усталился в окно. Прямо на него с лужайки таранился отвратительный снеговик. Обычно добрый персонаж получился у его создателя злым, даже зловещим. Андрей хотел поинтересоваться у Риммы, кто же его слепил, но губы, казалось, сами произнесли другое, то, что действительно его сейчас волновало.

– Осуждаешь? – спросил он ее виновато.

– Нет, – улыбнулась Римма. – Кто я такая, чтоб осуждать

тебя. Сестра первой жены, тетка твоей дочери, которая всю жизнь в приживалках живет. Боюсь я за тебя, тут еще эти открытки... Нужно все рассказать девочкам, чтоб и они были аккуратны? Или в полицию сходить.

– Не надо, – сказал Андрей. – Угрожают только мне, да к тому же сегодня должны приехать спецы из Москвы, мне брат обещал. Скажи, я хоть немного на него похож? – вырвалось у него, и кровь тут же прилила к лицу. Он знал, что Римма поймет, о ком он.

– Не говори глупостей, ты совсем другой, – засмеялась она. Неужели такая родная Римма, так тонко его чувствующая, не поймет, что не такой ответ он хочет услышать? – Твой отец был жестким и даже жестоким, а ты другой.

Римма хотела сказать что-то еще, но тут дверь распахнулась.

– Папа! – Дочь, как всегда, ворвалась в кабинет без стука. – О, Римма, привет. – Она подбежала к тетке, которая вырастила ее как собственную дочь, и небрежно чмокнула в щеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.